

Семь дней. — 2003. — 30 июня — 6 июля. —
с. 50 — 53

АНДРЕЙ ПЕТРОВ: «Я ЖЕНИЛСЯ ПО КОМСОМОЛЬСКОМУ ПОРУЧЕНИЮ»

Молодой режиссер Эльдар Рязанов, впечатленный музыкой к нашумевшим фильмам «Человек-амфибия» и «Я шагаю по Москве», заказал их автору, молодому композитору Андрею Петрову, вальс к своей будущей картине «Берегись автомобиля». Вскоре Петров явился к Рязанову с нотами и сел за рояль. И сыграл нечто настолько невнятное и корявое, что раздосадованный режиссер воскликнул: «И это вы сочинили «Я шагаю по Москве»?!» «Я», — уверенно ответил Петров и принялся наигрывать знаменитую мелодию. Песня в исполнении автора звучала чудовищно! Рязанов все понял: Петров просто не умел как следует играть на рояле... Вальс был принят.

— Андрей Павлович, очевидно, к карьере пианиста вы не готовились. Как вы решили стать композитором?

— На самом деле в детстве я хотел стать писателем. Я много сочинял, в годы войны даже журнал выпускал. Мне было тогда лет тринадцать. Мы были в эвакуации, жили в Ленинске-Кузнецком, маленьком сибирском городке: мама, я, моя сестра Марина и моя тетка, мамина сестра, которая работала директором единственной в тех краях библиотеки. Ни театра, ни кинотеатра там не было, поэтому все свободное время я проводил в библиотеке. Кстати, только потом я узнал, что в Ленинске-Кузнецком мне удалось прочитать многие произведения, изъятые из советских библиотек. Но в той глуши на это никто не обращал внимания.

— Как же получилось — хотели стать писателем, а стали композитором?

— В Сибири я ни разу не был в кино. А вернувшись в Ленинград, увидел фильм «Большой вальс». Про Иоганна Штрауса. Там такая музыка! Я вышел ошеломленный.

— Музыкой?

— Профессией композитора. Процессом сочинения музыки. И потом,

Дочь композитора Ольга с английским сеттером Чарльзом, Андрей Петров, его внучка Манана, жена Наталья, внук Петя, зять Гиви с кошкой Сонькой

ТЕТ-А-ТЕТ

это такой триумф! Женщины, успех, всеобщее поклонение... В общем, жизнь Иоганна Штрауса меня так впечатлила, что прямо во время просмотра фильма я поменял свои жизненные ориентиры. И срочно узнал, где учат на композитора и что требуется для того, чтобы туда поступить. Брал частные уроки сольфеджио, учился игре на рояле — исключительно для того, чтобы развить слух, стать виртуозом я не планировал. И в августе 1945 года я отправился на экзамены в музыкальное училище, куда был принят условно. Почему так? В мои 14 я был лет на десять младше любого абитуриента, но педагоги рискнули попробовать: уж очень я хотел сочинять музыку. Мне повезло: не все еще вернулись с фронта, так что конкуренции не было. Поступай я годом позже, меня бы наверняка не приняли. Знания мои были ниже требуемых. Но я честно занимался, быстро нагнал однокурсников. Правда, по классу фортепьяно среди первых учеников никогда не числился. Окончив консерваторию, я работал нотным редактором в музыкальном издательстве. А года через два меня пригласили написать музыку к фильму «Человек-амфибия». Это был мой первый полнометражный фильм.

— Как же вас нашли? Вы тихо редактируете ноты, и вдруг приглашают...

— До того я не только ноты редактировал. У меня была премьера балета

«Берег Надежды» в Кировском театре, потом я написал музыку к спектаклю «Бегущая по волнам» по Грину в Пушкинском. Это первая причина. А вторая причина — мы были знакомы с режиссером «Человека-амфибии» Владимиром Чеботаревым. Встречались в компаниях, на премьерах. Он знал мое творчество, я был рядом. Вот и пригласил. Я не помню, чтобы какой-то фильм имел такой успех. Люди выходили из кинотеатра, покупали билеты и шли смотреть еще раз. Я получал кучу писем, но, конечно, больше всего писали Кореневу. Его дом был оцеплен толпой девочек... И когда буквально через неделю после выхода фильма на экран я услышал на улице: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно...» — то понял, что моя композиторская карьера началась.

— Из какой семьи вы родом?

— Мой отец был врачом-хирургом. Мое детство прошло в коммунальной квартире на Васильевском острове. Комната метров в тридцать вся была заставлена мебелью в пушкинском стиле. Когда-то вся квартира целиком принадлежала моему деду Петру Кузьмичу Ваулину. У него была удивительная профессия — он создавал эмали. Работал с Коровиным, Врубелем, по их эскизам делал эмали и краски. По собственным рецептам достигал оттенков, подбирая материалы, чтобы рисунки с листа бумаги превращались в публичную красо-

Историческая кухня, на которой когда-то Нино Рота впервые отведал красной икры

ТЯЖЕЛО?

Доставим и установим
климат. **Бесплатно.**

Встречаются, конечно, отдельные индивидуумы, которые предпочитают спасаться

А всем остальным покупателям до 15 августа Компания «МИР» бесплатно доставит

Кусочек родного города в квартире Петрова — фирменная питерская чугунная решетка

ту архитектурного сооружения. У нас это знаменитая Татарская мечеть, в Москве — Ярославский вокзал, Третьяковская галерея, гостиница «Метрополь». Ранний модерн. Кстати, в начале XX века их работы были удостоены золотой медали на Всемирной выставке в Париже. Естественно, дедушка имел целую квартиру, но потом началась революция, уплотнение... Слава богу, у него была большая семья и в одной комнате жила одна сестра с мужем, в другой — другая сестра с мужем и детьми, в третьей — мы с родителями, а по-

том туда же приехала и жена моя Наташа. Через некоторое время мы с женой купили полдачи недалеко от города и жили там, затем мы получили маленькую двухкомнатную квартирку в рабочем районе, а уж потом, где-то в конце 60-х, переехали в эту.

— *Новоселье отмечали с размахом?*

— Да не особенно, а вот одна из первых моих крупных театральных премьер — балет «Сотворение мира» — отмечалась тут шумно. Это 1971 год. Тут собралось очень много народу, человек, наверное, пятьдесят. Это была действи-

тельно триумфальная премьера. Я сейчас говорю не о себе, а просто о спектакле. Это был золотой век ленинградского балета. На сцене Мариинки блистали Барышников, Панов, Соловьев, Колпакова, Большакова, Rogozina — настоящие суперзвезды. Интерес к балету в обществе был в ту пору огромный. К сожалению, время это длилось недолго. После премьеры в течение двух лет половина состава осталась на Западе. Мне рассказывали про совещание в министерстве, где замминистра произнес фразу, которая вошла в историю питерского балета: «Надо серьезно подумать о репертуарной политике Кировского театра. Почему ставятся такие спектакли, с которых артисты бегут на Запад?»... В общем, все балетные в тот день пришли с охапками цветов, мы их складывали в ванну, она вся была в цветах. Мы пустили воду и забыли об этом. Звучали тосты, поздравления, все были счастливы. Песни, хохот, снова тосты... А нижние соседи в это время безуспешно ломались к нам в дверь. Но мы ничего не слышали. Соседи пытались дозвониться к нам по телефону — тоже безуспешно. В итоге они явились с милицией. И все было, как в «12 стульях». Ванную открыли, и оттуда хлынуло. Зрелище было жуткое. Нас спасло только присутствие таких личностей, как Эдита Пьеха, Михаил Барышников, Ирина Колпакова, популярных в том числе и для милиции. Они вынесли милиционерам и несчастным соседям поднос с бокалами коньяка, закуской. Милиционеры долго отказывались... В итоге все выпили, и скандала удалось избежать. Естественно, ремонт пострадавшим мы оплатили.

— *Наверняка эта квартира повидала массу питерских знаменитостей...*

— Я бы не сказал, что в последнее время у меня такой уж открытый дом. А поначалу, конечно, все приходило, особенно во время белых ночей. Мы открывали окна, столик на колесиках вывозили на балкон и сидели ночами. По Неве плывут пароходики, какая-то музыка доносится... Но чаще все посиделки на кухне происходили... Скажем, идет какой-то кинофестиваль, пришли

Гия Данелия, Андрон Кончаловский, Эльдар Рязанов, Женя Евтушенко... Расположение дома очень уж удобное. Ну, скажем, празднуется 50-летие Октябрьской революции. Приехали все — и Пахмутова, и Хренников... Концерт на «Авроре», которая тут буквально у меня под окном стоит, в 30 метрах. Роль на корме, публика на берегу. Октябрь, холодно, промерзли все. Естественно, коллеги после «Авроры» ко мне на кухню — по чашке чая, по рюмке водки...

— *А иностранные гости к вам заходили?*

— Как-то в Москве я познакомился с композитором Нино Рота, который к фильмам Феллини музыку писал. Он сам подошел ко мне в Большом зале консерватории, сказал, что едет в Петербург, тогда еще Ленинград. Я сказал, что это замечательно, что я встречу его, кое-что покажу. Встретились, пообщались, в результате я его пригласил домой. Я знаю, что иностранцам всегда очень интересно побывать в русском доме. Так вот, мы сидели у меня на кухне. Я, конечно, подготовился: икра черная, икра красная. Что такое черная, он знал, а красную видел впервые в жизни. И вот он очень осторожно, буквально по одной икринке, начал ее пробовать, потом больше, еще больше... Ни одной икринки не оставил. Ему очень понравилось... В этом наши вкусы в части еды совпали, да и не только в этом. У меня, представьте, одно из любимых блюд — спагетти. Не макароны, а именно спагетти. Я их могу есть ежедневно, так же, как итальянцы едят, вместо супа. Только меняю заправку — то с рыбной приправой, то с овощной, то с грибной... А вообще я в еде неприхотлив — что жена предложит, то и съем. Как-то ей удастся всю жизнь угадывать мои вкусы.

— *Может, поэтому вы «единожды женаты»? Это так редко сегодня.*

— Я знаю, что сам институт брака сегодня подвергается сомнению. Но мне кажется, что в своей основе, может быть, элементарной, он должен существовать, хотя бы из-за детей. Это основное. И, конечно, очень важно, чтобы люди были близки по характерам, по

интересам. Но должно быть и понимание личной свободы, без собственности. Хотя тут тоже есть опасность разрушения основы.

— *Как вам удалось сохранить основу?*

— Может быть, дело в том, что я прошел подготовительный период? У меня была первая любовь — первая женщина и первая настоящая близость. Мы были еще студентами, но я воспринимал все очень серьезно. История вполне могла завершиться женитьбой. Но через некоторое время моя подруга влюбилась в другого — в элегантного красивого мальчика из Чехословакии. Я переживал страшно. А моя будущая жена Наташа была комсоргом нашей группы. И ей дали комсомольское поручение — отвлечь меня. Сводить в музей, в театр, вместе подготовиться к зачетам... Она честно старалась, исполняя это поручение. А я тогда был стилиста. Увлекался джазом, носил модные галстуки и интересные пиджаки, ходил по ресторанам. И Наташа принялась меня перевоспитывать. В общем, с комсомольским поручением она справилась. Поженились мы двадцать третьего февраля, в День Советской Армии. Поэтом каждый раз, когда в этот день происходит салют, мы говорим, что он — в нашу честь.

— *Вы как-то удачно устраиваетесь: салют — в вашу честь, живете на Петровской набережной — тоже вроде в честь вас.*

— Когда-то у меня дома еще стояло пианино фирмы «Петрофф». Тогда было совсем хорошо: Петров, который живет на Петровской набережной и сочиняет музыку на инструменте фирмы «Петрофф». Сейчас оно у дочки Оли.

— *И вот мы перешли к теме отцов и детей. Была такая проблема?*

— Наташа говорит, что я мало занимался ребенком, и это соответствует действительности. Потому что у меня основная работа по кино — в Москве, я очень часто уезжал на какие-то премьеры, концерты, да и вообще заниматься воспитанием ребенка мне как-то не свойственно. Все это пало на Наташу — вот у нее природный дар общения с детьми. Так что они с Олей всегда дружно жили. Были откровенны друг с дру-

гом, делились секретами, советовались. Эту систему воспитания Ольга перенесла на своих детей — Петю и Манану. Они тоже музыканты: Манана поет, Петр играет на контрабасе.

— *Вы рано начали учить дочку музыке?*

— Мы не думали, что Ольга будет профессиональным музыкантом. Просто во многих интеллигентных семьях принято детей немножко учить музыке. Оля тоже училась. Когда пришло время идти в школу, мы решили отдать ее в десятилетку при консерватории. Там все свои: музыканты, педагоги, дети. Нормальная интеллигентная атмосфера. Она поступила на фортепианное отделение. Как бы будущая пианистка. А потом, даже не под влиянием моего сочинительства, а под влиянием одного педагога, который ей очень нравился — такая юношеская, скорее даже детская, увлеченность, — она стала сочинять музыку. Этот молодой современный человек вел факультет композиции. Поэтому ранние сочинения у дочки достаточно авангардные. К тому, что я писал, Ольга относилась с налетом иронии — вслух не высказывала, но я это чувствовал. Это естественно — она увлекалась роком, и, соответственно, советская песня не укладывалась в систему ее ценностей. Так что каждый из нас писал в своей манере. И это отгородило нас от лишних пересудов. Знаете, когда сын или дочка композитора тоже пишет музыку, начинаются разговоры — это, мол, папа помогает, он написал. Но у Оли была настолько другая техника, что меня никто не заподозрил. Потом, по-видимому, у нее поменялись приоритеты, и в итоге она стала исповедовать практически ту же музыкальную религию, что и я. Мелодичность, поэзия, романтика. Поэтому, когда мне было трудно с шестьюдесятью сериями сериала «Петербургские тайны», мы с дочерью объединились. И это было уже вполне естественно. Теперь и музыканты, и критики спорят, кто из нас что написал, потому что разобраться трудно.

Наталья АКСЕЛЬБАНТ
Фото Натальи ЛОГИНОВОЙ
Санкт-Петербург

В прошлом году композитор Петров удостоился питерской премии «Человек года». А меч ему подарили в 2000 году на 70-летие